

Казачій Союз

№ 21

BULLETIN DE L'UNION DES COSAQUES
ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНАГО ПРАВЛЕНІЯ КАЗАЧЬЯГО СОЮЗА

50 фр.

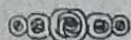
EDITION DU COMITE CENTRAL D'UNION DES COSAQUES (arr. du Ministre de l'Int. J. O. No 276 — 1949).

PARIS
1 OCTOBRE 1954

Адрес редакци и казначея Казачьяго Союза:
Mr N. N. Evséeff. 116, rue Vaillant Couturier. Nanterre (Seine).
ГОД ИЗДАНИЯ ПЯТЫИ.

ПАРИЖ
1 ОКТАБРЯ 1954

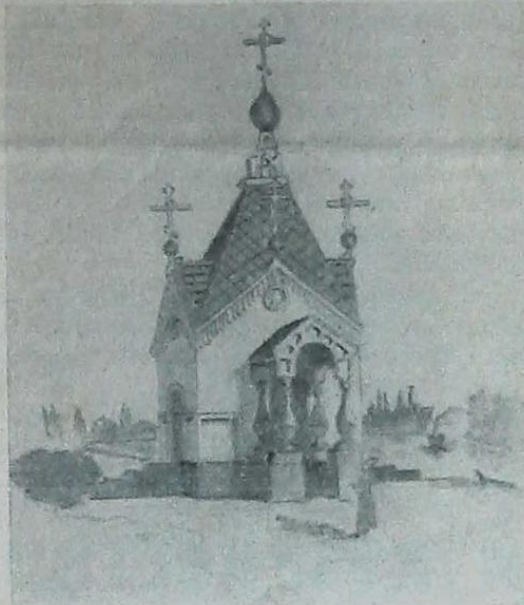
**Казачій Союз, Донское
Войсковое, Кубанское
и Терское Объединенія,
Калмыцкій Союз и
Общеказачья касса
взаимопомощи
поздравляют родное
Казачество, разсѣянное
на чужбинѣ и уцѣлѣвшее
в родных краях, с нашим
вѣковѣчным Праздником
Покрова Пресвятыя
Богородицы**

УРАЛЬСКАЯ КАЗАЧЬЯ СТАНИЦА
В ПАРИЖѢ ПОЗДРАВЛЯЕТ РОДНЫХ
ДОНЦОВ, КУБАНЦЕВ И ТЕРЦЕВ
С ИХ ВОЙСКОВЫМИ ПРАЗДНИКАМИ
Атаман Станицы Л. МАСЯНОВ.

АСТРАХАНЦЫ ПОЗДРАВЛЯЮТ СВОИХ
БРАТЬЕВ ДОНЦОВ, КУБАНЦЕВ И
ТЕРЦЕВ С ИХ ПРАЗДНИКОМ ПОКРОВА
Астраханскій Войсковой Атаман
полковник АСТАХОВ.

Часовня на Монастырском урочищѣ на Дону,
около Старочеркаска, Черкаскаго городка
(Старочеркаской станицы), построенная на
казачьи пожертвованія в 1867 году. В фунда-
мент часовни вложена надпись: «Во славу
Прѣблагаго Бога, Пресвятыя Богоматери и за-
щитника Азова св. Іоанна Предтечи, заложен
памятник сей в честь и вѣчную славу донских
героев, покоривших Россійской державѣ
Азов в 1637 г. и защитивших его в 1641 г. от
300.000-ной турецкой арміи».

С рисунка Егора Андреевича Ознобишина,
донского историка и учителя рисованія Пла-
товской гимназіи, в 1867 году.

ДУША

С дѣтских лѣтъ полюбил я навѣки
Степь и поле, лѣса и дуга,
Гдѣ песчаннныя тихія рѣки
И затоны в талах, в камышах.

Полюбил курени я рыбачьи,
Что-то древнее чувствовал там.
И горячее сердце казацье
Так стремилось к ушедшим вѣкам.

Берега и затоны все тѣ же,
По лугам тот же вѣтер бродил
И дыханьем живое все нѣжил.
Был он сердцу казацьему мил.

Дым и запах паленой солимы,
Камыша и корней, кизняка
Был милѣй благовоній в хоромах
И дороже душѣ казака.

А душа, как во снѣ, вспоминала,
Что попала сюда не впервой.
Берега и затон узнавала,
Любовалась все тою ж водой.
Николай Евсѣев.

ОЖИДАНЬЕ

В торжественном, спокойном ожиданьи,
Для всѣх уже понятном умираяни,
Но с тордым словом на устах,
На исчезающих плотах
Стоим, не в морѣ без берегов,
А на землѣ среди врагов
И рѣдких истинных друзей
Далекой Родины моей.

Александр Туровѣров

ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНИКА ПОКРОВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ В КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРѢ НА РЮ ДАРИО В ВОСКРЕСЕНЬЕ,
17-ГО ОКТАБРЯ, ПОСЛѢ ЛИТУРГИИ БУДЕТ ОТСЛУЖЕН МОЛЕБЕН С ПРОВОЗГЛАШЕНИЕМ ВѢЧНОЙ ПАМЯТИ ВСѢМ ПОКОЙНЫМ
АТАМАНАМ, КАЗАКАМ И КАЗАЧКАМ ВСѢХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК.

Традиционная братская трапеза послѣ молебна состоится в помѣщеніи ресторана И. С. Стронина: 7, villa Longueville, совпа-
дающей с 141-bis, rue Raymond Losserand (métro: Plaisance).

Стоимость трапезы 490 фр. (три блюда, вино и услуги).

Необходима предварительная запись на трапезу у пресѣдателей объединеній, а также у Ф. И. Агѣева (8, rue Thirpaine, Paris-15e),
В. Е. Долгова (44, rue Tiquetonne, Paris-2e), В. С. Донскова (87-ter, Bd de la République, Boulogne-Billancourt и по телефону,
у И. С. Стронина (KLE 92-69).

ПРИГЛАШАЮТСЯ КАЗАКИ И КАЗАЧКИ ВСѢХ ВОЙСК И ДРУЗЬЯ КАЗАЧЕСТВА.

Наканунѣ, в субботу, 16-го октября, в 15 час. на могилѣ Донского Атамана генерала А. П. Богаевскаго, будет отслужена общеказачья
панихида с молитвенным обходом казачьих могил кладбища в Sainte Geneviève-des-Bois (автобус с Place Denfert-Rochereau
отходит в 14 часов).

СОВѢСТЬ

Печатаю статью Уральского Атамана генерала Владимира Сергѣевича Толстова, мы считаем необходимым сказать нѣсколько слов.

Во-первых — об авторѣ. Генерал В. С. Толстов, к зависти других казачьих войск, является «безспорным» атаманом своего войска, выбранным в началѣ 1919 года на войсковой землѣ войсковым кругом. Атаман Толстов не только руководил войском, но и был его Военным, боевым вождем в кровавой и неравной борьбѣ уральскаго казачества, оторваннаго и от восточнаго — колчаковскаго и от южнаго — денкинскаго фронтов.

Атаман Толстов вывел остатки боеспособнаго уральскаго казачества (больше 10.000 ч.), за границы родной земли, совершив с ним два безпримѣрных по тяжести походов: ледяной — Гурьев — Форт Александровск и Форт Александровск — Персія (два мѣсяца в пустынь). До конца походов дошло не больше 200 уральских казаков, сведенных в одну сотню во главѣ с сотенным командиром войсковым Атаманом генералом В. С. Толстовым.

Во-вторых, — по существу самой статьи. В ней автор широко охватывает моральную сущность казачества и даже предлагает практическій совѣтъ к оформленію его пребыванія в разсѣяніи на чужбинѣ; но самым цѣнным в статьѣ, нам кажется, авторская вѣра в «казачій и Божій присуды», т. е., в самую сущность казачества — ЕГО ОБЩИННУЮ СОВѢСТЬ.

И не даром автор, вѣря, что «казачья исторія нас не обманет», смотрит по верх злободневных интересов отдѣльных «войск», если можно такъовыми назвать растопыренные пальцы в эмигрантском воздухѣ, вмѣсто единаго казачьяго кулака, столь необходимаго для возрожденія казачества, которое практически оно и начнет, навѣрное, не с возрожденія 13-ти казачьих войск, а с какаго то одного общеказачьяго войска.

Это никак не мѣшает свято блюсти завѣты и традиціи, каждаго войска и выше всего — казачью совѣсть.

Н. Н. ТУРОВЪРОВ.

Возможности и казачество

Статья написана для казаков, но содержание может быть интересным и многим другим, страдающим от густоты идей в воздухѣ.

Она интересна и для тѣх, кто при видѣ всего задѣлал в собственныя скорлупы, предоставив чемпионам мысли творить дѣла и внутреннія и внѣшнія.

Надо признать факт, что казачество, бывшее когда-то боевой средой в смыслѣ отстаиванія своих внутренних человѣческих черт и понятій, проявлявшихся внѣшнѣ в способах владѣнія землей и ея дарами, **распылено умственно, морально и физически.** Распыленіе продолжается и теперь, не смотря на то, что казачеством инстинктивно сохранены землячества, общинно-бытовые формы: станицы и атаманы.

Моральным распыленіем старались руководить в первую очередь сбитые с толку всевозможные ораторы из казачьей массы, а потом владѣющіе страшным оружіем-пером с чернилами.

Приняла в этом дѣлѣ участіе и «войсковая старшина», чиновная безчинная, вѣроятно, по соображеніям, что никак не возможно для простаго, рядоваго казака обойтись без «старшаго брата».

С полным разумѣніем своих окаянных цѣлей со времени Французской Великой Революціи, по сію пору к распыленію прикладывают свои руки «строители земногорая» с вольными и подневольными сотрудниками. Надо им отдать справедливость, они преуспѣли повсюду и вездѣ.

Несмотря на такое печальное положеніе, дѣло освобожденія от «тумана идей»

и умствования все же возможно, если мы всѣ, а не только — кому это надлежит, будем стараться находить пути к «источникам здраваго смысла» и исходить от него во всѣх наших начинаніях.

Это освобожденіе для нас — казаков могло бы происходить болѣе быстрым темпом, если мы пожелаем вспомнить и понять в себѣ опять характерныя, самой природой вложенныя в нас черты, о которых я в своем мѣстѣ и скажу. Это все может случиться, конечно, при условіи, что мы не пыль, из которой, по поговоркѣ, не выльешь никакой пули, и которую можно только пускать в глаза.

В передовой ст. «Братство» Н. С. Мельникова-Разведенкова в № 19 в «Казачьем Союзѣ», обращает на себя вниманіе историческое явленіе, заключающееся в том, что низы — народ, в отличіе от управляющих ими, или верхних слоев, долгие держат в себѣ плодотворныя начала морали и здраваго смысла. И в этом нѣтъ ничего удивительнаго.

В простых семьях, не мудрствующих, ребенок, чуть из пеленок, приучается уже отличать, что можно, что нельзя, за что от папки с мамкой попадает, а за что и боги, или Бог рано, или поздно накажет. Не воспитаніе ли это по завѣтам мудрѣйшаго царя Соломона, одно из которых — «Страх Божій — начало мудрости».

Не будем разбирать, руководствуются ли этим теперешнія семьи, но замѣтим одно: вмѣсто страха перед Богом, народы стоят в страхѣ перед взаимным уничто-

женіем, уподобляясь при этом наскоком, смутно, должно быть, сознавая, что всякіе умы человѣческие уже становятся безсильными предотвратить катастрофу.

Но были времена, когда народ не молчал, а говорил свое вѣское слово и катастрофическія положенія измѣнялись в лучшую сторону. Это в древнія времена... А в не так давно прошедших, народ, как будто и говорил и рѣшал, но толку никакаго не вышло, и занялся он самоубійством.

Обратимся к этим временам. Это полезно для оздоровленія.

Возьмем, как доступную пока всѣм, историческую книгу Библию.

Сколько раз Израильскій народ должен был пропадать безслѣдно и через свой разврат, и под пятой побѣдителей.

Но, вот, пророки, пророчицы, вѣроятнo верхними слоями презрительно называемые «кликушами», непрерывно стучат в как бы закрытыя двери сердец и душ смѣлых, честных и мужественных израильтян. Поднимается и весь народ. Гласом Божьим избран судья, и результат на лицо: свергнуто иностранное иго, народ и его верхніе слои начинают жить по своим религіозно-національным законам.

Сколько то времени проходит, верхніе слои развращаются, народ начинает блудить и всѣ попадают в, как бы самим Яговой разставленныя, ловушки: все на краю гибели. Снова выручает судья. И так шло до тѣх пор, пока народ не убѣдился в том, что и судьи его, хотя имѣют отцом пророка Самуила, могут подгнивать и, как видно, изрядно.

И завopil народ Израильскій перед Самуилом: «Давай нам Царя. Мы хотим жить, как другіе народы». — Самуил начал их пугать всѣми тяготами, связанными с бытіем под Царем, но народ настроил на своем. В чем же тут дѣло?

Ему, Израильскому народу, с выходом из Египта усиленно прививалась мысль, мысль, что он единственный избранный Яговой народ, который никогда не должен подчиняться царям: и, чтобы не было соблазна, всѣ цари, встрѣчавшіеся на их путях, вмѣстѣ с семьями, слугами должны быть уничтожаемы, и не только они, но и весь народ, и не только народ, но иногда и весь скот его и имущество. Зададим себѣ сам по себѣ напрашивающійся вопрос: почему у народа произошел такой сдвиг в коренных, казалось бы, понятіях о царѣ?

У израильтян, как народа живущаго болѣе умным (головным) расчетом, чѣм умом с чувством, (недаром Иисус Христос назвал свой народ жестоковѣрным) мог легко и просто появиться подсчет во что им обходились и обходятся судьи, во что может или не может обойтись царь, выбранный из честной мужественной их среды. Потом надо помнить, что народ этот не был отгорожен от остальных народов каменной стѣной, что он мог сравнивать свое положеніе с положеніем народов под царями. Затѣм и Библия могла намекнуть, что под Фараонами их предкам не так то уж вездѣ плохо жилось, мѣстами их кормили и мясом.

Таким образом выходит, что крик всего народа имѣл значительныя под собой ос-

нования, и что мораль и здравый смысл у простого израильского народа стояли на высоте.

Другой примѣр об уровнѣ морали и связанной с ней мудростью у простого же народа, столь же древняго, как Евреи, мы можем почерпнуть из исторіи Греціи.

Греческій народ поклонялся многим божествам, и направлял ребят страхом не перед Іеговой, а перед разными богами, и это нисколько не мѣшало развиваться началу мудрости. Сама Греція в древности, как мы знаем, была страной науки, просвѣщенія и философіи.

Послѣ Сократа, помнится так, стала в ней процвѣтать школа философов-софистов, старавшихся опредѣлять все только умом. Судари они были, как будто, благонамѣренные, но ученье то их в опредѣленіи понятій о добрѣ и злѣ привело стыдливых и совѣстливых людей в смущеніе, а с широкими аппетитами живоглотов, негодяев и жуликов в дѣйствіе. Да и не мудрено... Ученье софистов говорило: «добро все то, что мнѣ, нам — полезно, хорошо и пріятно, а зло наоборот». Эти софисты не похожи на современных только открытыми взглядами, так сказать, не прикрытыми фиговыми листочками.

Ученье это, как злокачественная гангрена, начало быстро распространяться по всей Греціи. Оздоровленіе пошло от спохватившихся низов, которые и начали расправляться с этими молодцами всѣми, имѣющимися под руками способами — от камней, дубя до веревки. Нѣтъ сомнѣнія, что руководилось оно людьми чести, совѣсти и мужества. Результат: в обиход вошли и слово стыд, и слово совѣсть.

Мнѣ в англійской литературѣ, гдѣ-то пришлось встрѣтиться с выраженіем «чертова бригада». По разъясненію его одним моим знакомым выходило, что таким именем, гдѣ-то в толщѣ англійскаго народа называют адвокатов. Вспомнилось мнѣ и нѣмецкое выраженіе: «дома адвокатов строятся на головах глупцов». Хорошо бы это было, если бы страдали только глупцы, т. е., люди, не привыкшіе руководствоваться своим умом и чувством.

В лихое нами переживаемое время с февраля 1917 г., 18 июня 17-го года Донское казачество, самое многочисленное, всѣми точками своего края соприкасавшееся с Россіей, волею судьбы начавшее еще до Германской войны мечтать о земствѣ, все же выдвинуло на пост своего Войскового Атамана человека государственнаго склада ума, рыцаря (человѣка чести, совѣсти и мужества) генерала Алексѣя Максимовича Каледина. Выдвинули его донцы самими демократическими способами.

Совершив этот акт демократическаго дѣйства, донцы занялись своими семейными внутренними дѣлами: спорили с дѣдами и отцами о непригодности, уже разных казачьих завѣтов и понятій о Царѣ и отечествѣ: по демократически усиленно дѣлились на трудовиков, нетрудовиков фронтowych (бывших на войнѣ) и нефронтowych. Атаман же был оставлен один без всякой демократической подмоги, и кончил жизнь выстрѣлом в себя. Другой Донской Атаман также с широким обра-

зованіем, как и его предшественник, генер. Анатолій Михайлович Назарев, самым постыдным образом был выдан выбранными представителями от всего Войска в Круг красному есаулу Полубову; Кругом, который приказал ген. Назарову, не смотря на неоднократный отказ послѣдняго, «быть ему Атаманом».

Рыцарь этот был разстрѣлян шахтерами.

Если бы казаки в спорах, а иногда и драках со своими отцами и дѣдами поглядѣли на стройку жизни какими-то другими глазами, то они увидѣли бы, что в этой стройкѣ не должны принимать участіе только лжесвидѣтели, ворье, убійцы, разлагатели семейных и нравственных устоев, хулиганы и хулителі, которые шайками уже бродили под видом просвѣтителей около них, начиная с фронтовых толп.

Объяснить эти двѣ преждевременных смерти можно единственно тѣм, что казачья сила была под психозом разрѣшенія вопросов жизни только умом, и этой силѣ было уже «наплевать» на чувства чести и совѣсти. «С кѣм повелись, от тѣх и набрались». Сами сдѣлались софистами, а часть и бѣсами.

В остальных массах русскаго національнаго элемента — многоликаго по національностям, но в большинствѣ русскаго крестьянства со всѣми его наслойками, законными и вѣтрами наметенными — дѣло обстояло еще хуже, и значительно. Онѣ, массы, никого не выдвинули, кромѣ ультра-товарищеских разбойных банд из матросни, солдатской рвани, хулиганов и каторжников. Судьбу государства взяли было в свои руки культурно-цивилизованные люди, но совершенно не гражданскаго достоинства, в котором, как и в военном составными элементами должны являться — честь, совѣсть и мужество, а просто говоря — головастики, яснѣе выражаясь — софисты.

Мы живем теперь, да не весь ли шар земной, в другія времена, но не при лучших нравах и настроеніях.

Живем при осуществившихся желаніях человѣка: летать по воздуху, как птица; плавать, как рыба; слышать и видѣть за тридевять земель, а то и дальше; уничтожать себѣ подобных, как насѣкомых, массами, не разбирая ни женщин, ни дѣтей.

Достиженія науки колоссальны; люди, уповая на нее, грозят и самого Іегову — мстительнаго Еврейскаго Бога, а по Христіански — милосерднѣйшаго, убрать из всѣх мѣст Его присутствія, чтобы Духа Его не было в людях, а самого на Сельмом небѣ.

За обладаніе наукой и всѣми ея достиженіями борются, можно сказать и в смертельной уже схваткѣ, двѣ силы: одна — разбойный товарищескій интернаціонал, подпертый в свое время ультра-товарищескими Россійскими бандитами, а затѣм не раз подпираемый западными демократическими рабочими п-вами, другая — страны еще свободных демократій. Какой результат хозяйничанія разбойнаго интернаціонала и в бывшей Россіи и в Китаѣ, мы знаем.

По ходу событій для нас казаков, как

сохранивших какую-то связь с нашим прошлым, хотя бы стройкой своей по землячествам, важен вопрос: можем ли мы — казаки сознательно, внутри нас самих, в наших сердцах, стать за правое демократическое дѣло — за свободу и права человѣческой личности?

Исторія наша говорит, что можем, думаю, что она не обманывает.

Если у нас нѣтъ с нами нашего простого казачьяго народа, то способы к спайкѣ, как завѣты его, с нами. Они — «казачій и Божій присуды». Примѣним их к нашему оздоровленію, а затѣм и для нашей крѣпости. Постараюсь объяснить, как можно было бы это сдѣлать практически.

Среди донцов выдвигаются кандидатуры на пост Донскаго Заграничнаго Атамана. Волянка с голосованіями, комиссиями, может протянуться до самой нашей смерти. Всему же казачеству, за гранью сущему, надо не Донскаго Загран. Атамана, а Казачьяго Атамана, единаго по единому казачьему Духу.

Такому Атаману при всѣх видах нашей распыленности и не время быть: мы не можем ни обезопасить его от разных софистующих банд, ни дать ему возможностей работать и проявлять себя во всѣх сношеніях, как глава казачества.

Исходя из вышесказаннаго, я предложил бы такой выход:

1. Считать этих трех кандидатов почетными судьями всего казачества. Рѣшеніе их должно имѣть силу казачьяго присуда. На чем они поставят, тому быть законом для всѣх.

Основанія к этому: они люди с широким образованіем и кругозором из опытов жизни. Люди в прошлом боевые, не раз и не два, думается мнѣ, испытали над собой Промысел Божій, значит — вѣрующіе в Бога. Вѣроятно они и большіе психологи, т. е., люди, понимающіе до каких степеней и в какой обстановкѣ можно натягивать внутреннія струны в человѣкѣ.

2. Так как почетные Судьи могут быть в разных странах, то каждый из них по мѣсту своего пребыванія по мѣрѣ возможностей может, оглаворя станичных атаманов или предсѣдателей объединеній, образовать мѣстный казачій присуд.

3. Станицам и объединеніям быть исполнительными органами Общаго каз. присуда и мѣстнаго.

4. Чтобы избѣжать обвиненій для почетных судей в лицепріятіи, на должность при них по какому либо дѣлу поступают соответствующіе дѣлу лица по Божьему Присуду из кандидатов от землячеств и выставленных еще существующими Войсковыми Атаманами.

Божій присуд — жребій, что бы не было никому обидно.

Конечно, предложеніе это должно обсудиться, быть может, в чем-то измѣниться в редакціи, в схемѣ, быть может в лицах, но я озабочен во времени: чѣм скорѣе, тѣм лучше.

Как укрѣпить и дать силу выбранным почетным судьям задача не трудная — постановленіями от станиц, объединеній с именами и фамиліями желающих этого.

В. С. Толстов.

З А Г А Д К А

«Он машет, кличет: гдѣ отважный?
Кто выйдет с ним на смертный бой?»
Лермонтов — «Валерик».

Вспыхнувшее в июлѣ 1918 г. возстаніе терцев в первые же двѣ-три недѣли, потеряло свой порыв: опасливое недоверіе правительства из эс-эр-ов (Казачье-Крестьянское) к казакам: вообще и к командному составу, в частности, постоянное контролирование и вмѣшательство его в планы и распоряженія командования, зселяли в казачество чувство неуверенности и подрывали воинскій дух. Ношеніе погонов было воспрещено, а дисциплинарныя взысканія ограничены увѣщаніями и уговариваніями. Если к этому добавить, что фронт испытывал острый недостаток въ вооруженіи и снабженіи боеприпасами случалось, что пѣхота получала перед боем по 3 патрона на винтовку — станет понятным настроеніе казачьих масс и нерѣшительное топтаніе фронта на мѣстѣ в районѣ станиц Прохладная — Солдатская.

Эта тягостная обстановка вызвала появленіе самостоятелно дѣйствовавшего отряда, преимущественно из офицеров, численностью около сорока человекъ. Творцом и душой его был молодой, энергичный войсковой старшина К. К. Агоев, храбрость и военный талант котораго были еще в Великую Войну отмечены Георгиевским крестом. Люди, вступившіе в отряд, никаких торжественных обѣщаній не давали и не подписывали, высокопарных лозунгов не несли, а лишь искренно стремились исполнить свой воинскій долг перед Россіей и Казачеством, не ожидая себѣ за то ни отличій, ни выгод. Дисциплина в отрядѣ поддерживалась исключительно вліяніем личных качеств самого Агоева.

На развѣтѣ 5 июля отряд Агоева, пришедшій наканунѣ в ст. Старо-Павловскую, находившуюся далеко впереди казачьяго фронта, собрался на ея окраинѣ для отхода за канал «Неволька». Разсчеты Агоева увеличить свой отряд в этой станицѣ не оправдались: близость красных, прочно занимавших соседнюю станицу Ново-Павловскую и линію жел. дороги, по которой курсировали их сильныя бронепоезда, заставляли Старо-Павловцев выжидать приближенія фронта и скрывать свое сочувствіе возстанію. Отряды красных навѣшали станицу часто, но занимать — не занимали, ограничиваясь лишь наблюденіем. И этой ночью к станицѣ подошел сильный отряд из пѣхоты на подводах и конницы, но наткнулся на Агоевцев и отошел, вѣрнѣе — бѣжал, потлавшись паникѣ при неожиданной встрѣчѣ.

Солнышко едва показалось на востокѣ и трава и листья, освѣженные прошедшим ночью дождем, блестя в его лучах. За рѣкой Малкой, на горизонтѣ, нѣжно очерчивались на голубом небѣ снѣговья горы главнаго Кавказскаго хребта. Было прохладно и тихо, и эта мирная картина

так не вязалась с мыслью о ведущейся войнѣ, войнѣ ожесточенной, в которой побѣжденный не получал пощады. Со степи, со стороны станицы Ново-Павловской, донеслось отдаленное «та-ку, та-ку» — очевидно высланная послѣ ночного столкновения у станицы Старо-Павловской развѣдка красных замѣтила скучившійся у въѣзда в нее отряд Агоева — в то время красные нѣрѣдко были вооружены австрійскими винтовками. Выстрѣлы участились, над поповами Агоевцев стали повизгивать пули с предѣльной дистанціи. Сидя на своей лошади, рѣдкой масти «Изабелла», Агоев, всегда спокойный и невозмутимый, со своей обычной полу-улыбкой на лицѣ выжидал пока отряд построится. К нему подошел один из станичных стариков: — «Ты отходи; в мы, коли нужно будет, вас прикроем; наши дядьки забрали свои бузиновки — в степь пошли». Бузиновками звались старья, однозарядныя винтовки — берданки. По задач станицы один за другим двигалось параллельно дорогѣ на мост десятка полтора стариковъ с берданками в руках; молодежь и так наз. «фронтвики», остались по домам. Отряд не спѣша построился и по командѣ вытянулся справа по-три на дорогу к мосту через Невольку. Перейдя его, отряд спѣшился, стрѣлки залегли за валиком, шедшим по краю канала; имѣвшійся в отрядѣ пулемет, расположился около моста. Выстрѣлы со стороны красных прекратились, настала опять тишина; только изрѣдка от коноводов доносилось пофыркиванія лошадей, да в травѣ стрекотали кузнечики. Тѣни стали коротче, солнце начинало припекать. Истомленные безсонной ночью люди подремывали. — «Смотри, смотри!» — пронеслось вдруг по цѣпи: на степи, понижавшейся незамѣтно от Ново-Павловской к Неволькѣ, со стороны красных показался всадник. Он ѣхал шагом, направляясь к мосту. Все взоры приковались к нему. Шагах в семистах он остановился и повернулся боком к каналу. Прекрасный, вороной конь горячился, нервно перебирал ногами и, мотая головой, просил повода. Поднявшійся легкій вѣтерок, красиво отметал его густой, неподрѣзанный хвост и играл концами башлыка всадника, увѣрено — небрежно сидѣвшего в сѣдлѣ. В бинокль можно было видѣть поблескивавшее на солнцѣ оружіе в дорожной оправѣ. Мишень была прекрасная и соблазнительная. — «Ссадить его, подтеца!» произнес кто-то. — «Подождите, не стрѣляйте!» — раздался голос Агоева. Всадник сдѣлал нѣсколько шагов и, повернувшись другим боком, снова остановился, как бы чего то ожидая. Это несомнѣнно был вызов на единоборство и по цѣпи прошло волненіе — сердца разгорались. В давно прошедшія времена такія явленія были обычны и конечно, если не ютцы, то дѣды многих из станичников не раз принимали участіе в таких поединках и кровь сказывалась. В наступившей тишинѣ, вдруг послышал

ся конскій топот и через мост, неожиданно для всех выскочил в степь казак. Это был молодой, из фронтвиков, станичник, — невзрачный шуплый, на неважном конькѣ. В отрядѣ, состоявшем из боевых, серьезных людей, он являлся каким то недоразумѣніем — не то — добровольным шутком, не то — потѣшником — балагуром; впрочем, в частях всегда встрѣчается этот тип и уваженія к себѣ они не вызывают, но их любят. Его узнали сразу и у всех вырвался вздох разочарованія и сожалѣнія. Всадник, замѣтив скакавшаго на него казака, повернул к нему коня и застыл в недвижности. Разстояніе сократилось. Когда между ними оставалось уже не больше ста шагов, он не торопясь обнажил шашку — клинок ее ярко блеснул на солнцѣ. В тот же миг станичник круто повернул коня и с удвоенной быстротой помчался назад. Его встрѣтили угрюмым молчаніем; кое-гдѣ раздались непріязненные смѣшки. Казак, считавшій, что он выкинул забавную штуку, вдруг почувствовал неловкость и несвойственное ему смущеніе: его шутка обернулась какой-то обидой, оскорбленіем всему отряду. Межь тѣм всадник также не спѣшно вложил шашку в ножны и, постояв еще немного, повернул коня и стал медленно удаляться. Вслѣд сорвалось два-три выстрѣла. — «Не стрѣлять!» — рѣзко крикнул Агоев — это была дань уваженія к храбрости врага.

Конечно, формы войны за послѣднее столѣтіе рѣзко измѣнились, измѣнился также в значительной степени и дух ея, этика; но стремленіе к подвигу, к славѣ, храбрость, лихость — от войны неотдѣлимы и существованіе их — вѣчно. Чѣм объяснить, что среди полу-сотни отборных по боевым качествам и духу людей отряда (на фронтѣ их шутливо называли «любители сильных ющущеній») не нашлось ни одного пожелавшаго помѣряться с врагом в одиночном бою? Изъяла ли в казаках доблесть дѣдов и прадедов? — Конечно, — нѣтъ! В рядах отряда были и люди исключительной лихости, много раз шутившіе со смертью; к тому же — противник был одинок, а единоборство произошло бы вблизи друзей, всегда готовых выручить, слѣдовательно — условія были исключительно благоприятны. Может быть, важность идеи — борьбы за спасенія Родины и Отечества — не позволяла рисковать собой по пустякам, ради личнаго честолюбія? — Нѣтъ; обыденность войны всегда заглушает это соображеніе и пріучает смотрѣть на опасность и риск, как на явленія повседневныя и обычныя; для многих — даже пріятныя. Объясненія не находят, но факт — остается фактом: среди пятидесяти испытанных войной и закаленных в ней воинов на поединок — хотя его жадно ждали и сочувствовали ему — не вышел никто. — Почему?!

Триест.

А. А.—в.

О казачьем единении

Конечно оно было, еще есть и навѣрно будет.

Настоящее без лишних многословных призывов, казачье единение — мы, казаки, его иногда не видим, не замѣчаем. И часто готовы видѣть в газетных вспышках глѣва, нѣкоторых казачьих журналистов (особенно многочисленных в последнее время) признак нашего разложения.

Начало конца, конечно, единого заграничного существованія. Конечно, это не так. Нельзя разсматривать в этих обличительных статьях (не рѣдко написанных с излишней самоуверенностью) одно лишь желаніе их авторов сводить только свои политическо-общественные счѣты с инкомыслящими.

В их горячем обличительном тонѣ есть много настоящаго желанія чтобы было у нас лучше и лучше.

Каждый острый спор показывает жизненность темы и темперамент («человѣчную жизненность») спорящих. И чѣм он напористѣе — тѣм лучше.

Будет ужасно когда всѣ замолкнут и окончательно уйдут только в свою личную жизнь в тяжелое и не веселое заграничное существованіе.

Будем вѣрить, что это никогда не станет.

Ибо наша очень малочисленная молодежь, конечно с нами, со своим особым казачьим сердцем, на наше не похожем.

В их ранней разсудительности есть много достоинства, как и сдержанной гордости.

И в отдаленности от нас лежит не только законная разница поколѣній, но и наша вина.

Долголѣтнее и настойчивое желаніе видѣть в них не все еще понимающих дѣтей. — Все это сотрется и сгладится.

Надо нам разсудительнѣе сохранить нашу казачью самобытность. Меньше подтверждать тѣ далекія и мимолетныя наши подвиги и настойчивѣе и тверже работать здѣсь.

Жить без прошлаго нельзя, но и очень опасно жить только им.

Надо твердо помнить наше славное прошлое, жить настоящим с непоколебимой устремленностью и вѣрою в наше будущее освобожденіе.

Которое безусловно будет. Пусть оно (наше освобожденіе и возрожденіе родных краев) представляется многим по разному. Пусть свершится оно не в отрѣзкѣ нашей короткой жизни. Все это детали, для многих очень важныя, но для единства нашего, нашей жертвенной любви, они второстепенны.

Гордое и свободное сердце должно сохранить казачество и наше презрѣніе к рабам и рабовладельцам политическим и экономическим. Выкованное вѣками чувство особаго братскаго равенства должно остаться навсегда нераздѣльно со словом «казак».

Мы не служилое сословіе, как говорили раньше, и не «бытовая группа», как говорят теперь досужіе политики.

Мы потомки тѣх, кто никогда не знали крѣпостнаго права, кто жили по заветам свободы, братства и равенства, и жертвенно и возвышенно любили свои края и Родину.

Слава Богу, что мы казаки.

А. Н. Туровѣров.

Беззаконіе примѣняемое, как закон

Многолѣтнее, в продолженіе 21½ столѣтій, безправное положеніе старообрядцев отличалось, как извѣстно, многими и различными правоприличиями их в государствѣ. Старообрядец не пользовался правом поступленія на государственную службу, не мог быть учителем в существующих учебных заведеніях, хотя бы и обладал необходимым для сего образовательным цензом. На военной службѣ старообрядца воспрещалось производить даже в низшіе воинскіе чины, если бы он и отличался знаніем военнаго устава не хуже своих сотоварищей по службѣ. На общественныя должности старообрядец допускался под условіем, чтобы помощник его был непременно «православный». Старообрядцы, таким образом, отстранялись почти от всѣх государственных и общественных должностей, исключительнѣе, благодаря своему вѣроисповѣданію, так как в государственном отношеніи они признавались вполне благонадежными элементом, отстранялись отому только, что такое отношеніе правительства к этой русской части населенія желательнѣе было духовенству господ-

ствующаго вѣроисповѣданія, по ироніи исторической судьбы тѣсно связанному с государством. Но ни что так не было чувствительным и обидным для старообрядцев, как отрицаніе за ними прав в области семейных союзов. Браки старообрядцев, не взирая на то, что они были священнослужителями, государственным законом признавались «любодѣйными сопряженіями».

А дѣти, рожденныя от таких браков, «незаконнорожденными», не имѣющими наследственных прав на имущество своих родителей. Само собою разумѣется, что отрицаніе государством семейнаго союза в старообрядствѣ порождало в бытовом отношеніи различныя недоразумѣнія и вредныя послѣдствія не столько для самих старообрядцев, сколько для государства, которому совершенно невыгодно было имѣть многочисленную часть своих подданных при весьма шатких семейных устоях. Хотя старообрядцы, в силу своих бытовых вѣрованій, сохраняли в себѣ довольно твердыя семейныя отношенія и, повидимому, не нуждались в помощи государства, но отрицаніе за

потомством старообрядцев имущественных прав доказывало, что само государство, как бы содѣйствовало разстройству семейнаго быта части своего населенія. Это, впрочем, видно из самого сознанія правительства, которое в лицѣ комитета министров впоследствии заняло, что подобное правовое положеніе значительнаго числа русских подданных, не удовлетворяющее нравственным требованіям и дающее благодарную почву для беззаконія произвола, признано было ненормальным (Журн. Ком. Мин. 25 янв. 1905).

Ф. Родин.

Гоненія на старообрядцев составляют одну из печальных страниц Россійской Имперіи.

Казачьему духу всякая нетерпимость, а особенно религіозная, чужда и не понятна, тѣм паче, что казачество не только оказывало пріют инако вѣрующим и мыслящим, но и само, в значительном числѣ, держалось «старой вѣры». Уральское (яицкое) войско было почти поголовно—старообрядческим. На Дону еще в началѣ второй половинѣ прошлаго вѣка было около 100.000 казаков и казачек старообрядцев на миллион казачьего населенія; замѣчательно, что число казачек в старообрядствѣ всегда значительно превосходило число казаков.

Преслѣдованія и стѣсненія старообрядцев то усиливались, то ослаблялись, — в «либеральную» эпоху Александра I-го гоненія особенно усилились, в то время, как в «деспотическую» эпоху Николая I-го старообрядцы вздохнули свободнѣе.

При Екатеринѣ Великой, принадлежность к «старой вѣрѣ» Платова, не помѣшала ему начать и развить свою карьеру, хотя, позже в казачьей пѣсенѣ и говорилось: «Закон Платов приступил — себѣ бороду обрил». По вступленіи в 1812 г. в покинутую Наполеоном разоренную Москву, Платов передал свою походную церковь Рогожскому кладбищу, оплоту старообрядчества.

Новая, коммунистическая, власть поравняла в своих гоненіях всѣх вѣрующих: «религія — опиум народа», а «казачество должно быть уничтожено!».

Рѣчки на землѣ войска донскаго, впадающія в дон.

С правой стороны: Тихая, Бѣлая, Перекотка, Большая Голубая (в нее впадают двѣ рѣчки — Сухія Голубыя), Малая Голубая, Чир, Соленая, Аксенец, Цымла (принимающая в себя Кумшачик, Россош и Котлубанскую), Кушмак, Кагальник (принимающий в себя Верхнюю и Нижнюю Россош, Бѣлую и Вербовую), Сѣверный Донец, Аксай.

С лѣвой стороны: Казанка (принимающая Сухой Лог), Песковатка (принимающая Сухую Песковатку), Рѣшетовка, Черная (принимает р. Гороховку), Зимовная, Большая Елань (принимающая Сухую Елань), Хопер, Медвѣдина, Песчаная, Иловля (в нее впадает Ширяй), Тишанка, Паншинка (так называвшаяся в старину, а нынѣ Сакарка, происходит из Мокраго Каркагона, принимает Таловую и Котлыбань), Карповка (в нее впадает Россошка), Донская Царица (принимающая Мышков Ерик), Мышкова, Есауловскій Аксай, Курмоярскій Аксай, Сал, Сусад, Маныч.

Казачья воинская сила

КУБАНСКОЕ ВОЙСКО. (Продолжение).

1-й Екатеринодарский Кошевого атамана Чепьга полк. Старшинство одинаково с Таманским, Полтавским, Запорожским и Уманским полками — с 1788 года; название: Екатеринодарский с 1870 года, когда были слиты в один трехкомплектный полк 5-й, 8-й и Псекубский полки. Полковое знамя — простое «За отличие при взятии крепостей Анапы в 12 день июня 1828 г.» Знаки отличия на полковые уборы: «За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 г. и в Манчжурii в 1905 г.»

Въшний шеф полка Кошевой атаман Чепьга (с 1904 г.).

Захарий Алексеевич Кулиш, с молодых лет зачислился в Запорожскую Сечь, где и был переименован из Кулиша в Чепьгу. К моменту разорения Сечи, Чепьга уже был полковником Протогчанской Талланки. Как и его современники, въчные шефы кубанских казачьих полков Сидор Бѣлый и Антон Половатый, Захарий Чепьга прошел одинаковый с ними путь, имѣющий завѣтной цѣлью возрождение, так или иначе, распяленного славнаго войска Запорожскаго, только его личный путь был еще больше овяян боевой славою, которая относилась, конечно, и к возглавляемым им казакам.

Переименованный из казачьяго полковника в армейскіе капитаны, Чепьга собирает в 1787 году с другими запорожскими старшинами добровольцев—казачков, из которых в слѣдующем году и было сформированно цѣлое казачье войско, наименованное Черноморским, во главѣ с Кошевым (войсковым) атаманом Сидором Бѣлым, который в этом же году доблестно погиб в сраженіи под Очаковым. На его мѣсто был избран черноморцами Захарий Чепьга и утвержден главнокомандующим Потемкиным, вручившим новому атаману от себя драгоценную саблю.

18-го июня 1789 года Чепьга с тысячею своих казаков пять часов бьется под Бендерами против 3.000 турок, пока с подошедшими на помощь донцами, их разбивает на голову, получив тяжелое ранение пулей в плечо. Едва оправившись от раны, Чепьга снова со своими казаками, отличается в знаменитом суворовском штурмѣ Измаила 11 декабря 1790 года, командуя, уже в чинѣ бригадира, второй штурмовой колонией у Арсеньева, беря турецкія батареи на этом убійственном участкѣ штурма.

4-го июня 1791 года, перейдя Дунай, в авангардѣ Кутузова, Чепьга со своими казаками, в двухдневном бою, разбивает 15.000 турок и 8.000 татар под Бабодагом, — трофеи: знамена, 11 пушек и весь турецкій лагерь, с 30.000 четвертями хлѣба.

Турецкая война принесла атаману Черноморскаго войска, Чепьгѣ чины подполковника, полковника и бригадира, Св. Владимира 3 ст., Св. Георгія 4 и 3 классов и золотой Измайльскій крест; кромѣ того, при пожалованіи войску в 1782 г. клейнодов (счастливо сохранившихся и находящихся нынѣ с войсковыми регалиями в Америкѣ), Чепьга получил лично саблю в алмазах.

Чины, кресты, клейноды, заслуженные Черноморским войском и его атаманом, — бранная слава, — была завершена получением своей, на въчные времена, земли, — обширной войсковои территории на Кубани.

Атаман Чепьга привел войско в этот богатѣйшій полупустынный, тогда, край и расселил куренными селеніями на землѣ будущаго славнаго Кубанскаго войска.

Польская война вызвала Чепьгу с 2 полками казаков, едва начавших устраниваться на своей землѣ, снова на поле брани: в тѣ времена войсковые атаманы становились и походными.

Чепьга, послѣ польской войны, послѣ суворовскаго кровопролитнаго штурма Праги под Варшавой, в котором он со своими казаками принял участие, возвращается «домой», на Кубань, уже генералом со св. Владимиром большого креста. Смерть в 1797 году, на 71-м году его жизни, застает Захарія Алексеевича Чепьгу в уже родном ему Екатеринодарѣ за устройством родного казачества в новой Сечи на Кубани.

Похоронен он был около соборной Церкви с великими почестями Атамана.

ПОХОД

Николаю Евсеѣву.

Как в страшное время Батыя,
Опять породнимся с огнем.
Но, войско, тебѣ не впервые
Прощаться с родным куренем!
Не дрогнув, станицы разрушить,
Разрушить станицы и сечь,
Нам надо лишь сильныя души,
Лишь сердце казачье сберечь;
Еще уцѣлѣвшія силы
Живых казаков сохранять;
Не дрогнув, родныя могилы
С родною землею сравнять.
Не здѣсь—на станичном погостѣ,
Под мирною сѣнью крестов,
Лежат драгоценныя кости,
Погибших в боях, казаков;
Не здѣсь сохранялись святыни,
Святыни хранились вдали:
Пучек ковыля да полыни,

Щепотка казачьей земли.
Все бросить, лишь взявъ молодаяк
Идти в неизвѣстный пустырь:
За Волгу, за Волгу—на Яик,
И дальше потом—на Сибирь.
Нѣтъ сѣдел—садитесь охлоткой,
Дорогою сѣла найдем,
Тебѣ ли, степная голубка,
Впервые справляться с конем?
Родная казачка, тебѣ ли
Душою смущаться в огнѣ?
Качала дитя в колыбели,
Теперь—пожачай на конѣ!
За Волгу, за Волгу—к просторам
Почти неоткрытых земель.
Горами, пустынями, бором,
Сквозь бури, и зной, и метель,
Дойдем, не считая потери,
На третій, на пятый ли год.
Не будем мы временем мѣрять
Послѣдній казачій исход.
Дойдем! Семирѣчье, Трехрѣчье,
Истоки невѣдомых рѣк...
Расправив широкія плечи,
Берись за топор, дровосѣк;
За плуг и за косы беритесь,
Кохайте и ширьте поля;
С молитвой трудитесь, крѣпитесь;
Не даром дается земля!—
Высокая милость Господня,
Казачій престол Покрова,
Заступник Никола-Угодник
Услышат казачьи слова.
Не даром то время настанет,
Когда, соберясь у рѣки,
На новом станичном майданѣ
Опять зашумят казаки.
И мельницы встанут над яром,
И лодки в рѣкѣ заснут,—
Не даром дается, не даром,
Привычный станичный уют.
Ростите, мужайте станицы,
Старинною пѣсней звеня,
Веди казаку, молодца,
Для новых походов юнга,
Для новых набѣгов в пустынь,
В глухой азіатской дали...

О, горечь задонской полыни,
Щепотка казачьей земли!
Иль сердце мое расколосось?
Нѣтъ,—сердце стучит и стучит.
Отчизна, не твой ли я голос
Услышал в парижской ночи?

Николай Туровѣров.

(Из четвертой книги стихов).

КУПЕЛЬ

Тысячелѣтья в мѣрѣ кровь лилась.
За что-то гибли жизни миллионы.
Боролись царства. Воздвигались троны
Полубогов, судьбою обреченных
В какой-то день низринуться и пасть.

За полководцами народы в битвы шли
Во имя родины грядущаго величья,
Мечтая о побѣдах и добычѣ,
О смерти возвѣщая в бранном кличѣ
И борюзя мечом лицо земли.

С амвонов, с кровель звали за собой
Пророки и создатели религий,
Слова учений сохраняли книги,
Но, жизнь преобразующие, сдвиги
Достигнуты кровавою борьбой.

Дряхлели царства, чтоб возникнуть вновь,
Упадок переселив и усталость.
Мѣнялся мѣръ. Одно в нем не мѣнялось:
Навѣки в человечествѣ осталась
К пролитью крови древняя любовь.

Конечная нам непонятна цѣль.
Минувшее—пред будущим в отвѣтъ.
И, может быть, вся кровь тысячелѣтій
Для тѣх, кто только будет жить на свѣтѣ,
Омывшая грѣхи—священная купель...

Марія Волкова.

Сон старого казака

Средь ночи ноябрьской тоскливой
и длинной
Гудит, завывает Мистраль за стѣной.
Дремлю, и снится мнѣ—степью пустынной
Идут наши сотни, одна за другой.

Там тоже осенній бѣснуется вѣтер,
Мѣшая лишь ходу усталых коней.
За тучами черными прячется Сѣвер,
Там видны далекия вспышки огней.

А сотни идут по избитому полю;
Задумавшись крѣпко, молчат казаки:
Идут на чужбину, как будто в неволю,
На долгіе годы изгнанья, тоски.

И вот, докатились до самого моря,
А дальше погрузка... Босфор... острова...
Страницы большого казачьяго горя;
Как вспомнишь, поникнет в тоскѣ голова.

Прошел почти вѣкъ... Казаки за границей
Родимых краев позабыть не могли.
А там, обезлюдѣвъ, притихли станицы
И стерлася память о тѣх, что ушли.

Одна только степь, просыпаясь весной,
О них вспоминает, зовет их, как мать.
Увы! Сколько их уже спит под землею,
И то, что осталось, легко сосчитать.

Лонгвинов.

РОЗЫ

При видѣ роз в душистом их расцвѣтѣ
Роптать ли должен ты, что есть шипы
у них?

Есть розы на кустах, срывай же розы эти,
Шипов не трогай—уколы зная их.

Кто вникнул в тайный смысл, тот ясно
понимает,

Что в мѣрѣ все в себѣ прекрасное таит:
Огонь не только жжет, огонь и согрѣвает,
И яд, смертельный яд, порой животворит.
Не предавайся же тоскѣ и укоризнѣ:

Я знаю, тяжело порой на свѣтѣ жить,
Но вѣдь горят лучи в туманѣ нашей жизни
И много есть того, чѣм можно дорожить.

Зинаида Дорошенко

М. ШОЛОХОВ

«Добрим казаком ушел на фронт
Григорій, — он честно берег свою
казачью славу».

«Тихій Дон».

Нужно признать, что самым лучшим,
ярким произведением в совѣтской лите-
ратурѣ является «Тихій Дон».

У молодого писателя не только хвати-
ло таланта поднять такую тему, положив
в основу ея большой исторической мате-
риал, но и с честью справиться с ней.

Отразив в своем романѣ, как в зеркалѣ,
подлинную жизнь казачества, Шолохов
правдиво показал отрицательное отно-
шеніе основной массы казаков к револю-
ции и большевизму.

Много мужества надо было имѣть
М. Шолохову, чтобы опубликовать в со-
вѣтских условиях этот роман и вмѣстѣ с
тѣм большой талант, чтобы дать такіе
жизненные, яркіе типы семьи Мелеховых,
Аксиньи, Степана, Коршуновых и др. пер-
сонажей.

Среди массы сѣрых тенденціозных
произведений, «Тихій Дон» явился бук-
вально глотком свѣжаго воздуха. Он был
раскуплен моментально. В библиотеках,
чтобы прочесть его, записывались на
очередь.

При выходѣ первой и второй части,
критика, отдавъ дань таланту Шолохова,
дружно назвала его «восходящей звѣз-
дой совѣтской литературы». Но с появле-
ніем послѣдующих частей, началось нѣ-
которое, понятное в средѣ совѣтских
критиков, недоумѣніе: слишком обаяте-
лен был образ героя романа пылкаго и
непосредственного в своих душевных ме-
таніях Григорія Мелехова. Но автор не
только не сдѣлал из него убѣжденнаго
краснаго полководца, а наоборот, — по-
бывав, увлекшись мечтою о правдѣ, в
Красной арміи, Григорій Мелехов вско-
рѣ с омерзением отшатывается от больше-
визма — бьет и гонит красных.

И Шолохов чрезвычайно убѣдительно
показал, что во всѣх своих поступках
Григорій руководствуется только чув-
ством глубокой и искренней любви к
своему народу. Он защищает вѣковыя
традиции «Тихого Дона», казачью честь
и волюнцию.

Михаил Кошевой, убѣжденный боль-
шевик, кажется только злым пѣтухом,
готовым клюнуть любого, по сравнению с
орлом Григоріем.

Отец и сын Листницкіе, показаны, как
люди, готовые на всѣ жертвы для спа-
сенія отечества. Гроза нависшая над
Россіей, заставляет их позабыть о лич-
ных несчастіях. Развѣ можно было так по-
казывать царских офицеров совѣтским
гражданам?

А совѣтскіе граждане с нетерпѣніем
ожидали продолженія «Тихого Дона» и
перечитывали по нѣсколько раз первые
части романа.

Помимо правдивых исторических со-
бытій, в книгах Шолохова показана и
острая борьба человеческих, сердечных,
страстей.

Стихійная, непреодолимая любовь, свя-
завшая Г. Мелехова с замужней сосѣд-
кой Аксиньей, подана автором, как грѣ-
ховная нарушающая крѣпко сохранив-
шуюся в простом народѣ мораль.

Эта «грѣшная» связь с горячо люби-
мой женщиной мучает и честнаго по на-
турѣ Григорія, он сознает свою вину пе-
ред Степаном, пытается заглушить свою
любь. Соглашается на брак с Натальей
Коршуновой. Но слишком глубокие кор-
ни пустила любовь. Их не вырвать моло-
денькой Натальѣ, крѣпко, но несчастливо
полюбившей мужа на всю жизнь.

Она слишком молода, слаба и неопыт-
на, чтобы понять и совладать с его кипучей
натурой. Григорій скоро бросает
жену, уходит с Аксиньей к помѣщику
Листницкому, занимается к нему на ра-
боту.

Но полного счастья у них нѣтъ. В тай-
никѣ души, зная, что у ея любимаго есть
жена, хотя и брошенная, — Аксинья
страдает, неуверенная в будущем. При
вѣсти о попыткѣ к самоубійству Натальи,
в Григорія снова вцѣпились когти совѣ-
сти: — нѣтъ-нѣтъ, да и встанет перед ним
тихий, нѣжный образ жены и каждая слу-
чайная вѣсть о ней, невольно бьет уко-
ром в сердце...

И эта первая книга «Тихого Дона»
была издана в 1929 г., когда преступле-
нія, подобные «дѣлу Чубаровцев» в Ле-
нинградѣ, участниками котораго были
подростки комсомольцы, развращенные
совѣтской властью, повторялись, хотя и
в меньших масштабах, в разных городах
СССР. Когда совѣтская молодежь мета-
лась между преподносимыми ей теоріями
свободной любви на принципѣ «естествен-
наго подбора» и физиологических потреб-
ностей, и зовом сердечных чувств, подни-
мавших мятеж со дна обокраденной
души.

Шолохов, дав подсовѣтским читателям
яркую картину трагедіи большой любви
Натальи, Аксиньи и Григорія, не только
стал в защиту любви, как необходимаго
и возвышающаго человека чувства, но и
удачно сопоставил тип настоящей русской
женщины — Натальи (которой автор явно
отдает свои симпатіи), любящей и — со
зрѣлостью — возвышающейся этой лю-
бовью до пониманія и подвига, с другой
невѣсткой старика Мелехова — Дарьей,
прошедшей без всякаго чувства любви
через много рук и дошедшей до послѣд-
ней степени моральнаго паденія, — до
показнаго убійства человека, для щекотанія
тщеславных чувств.

И Наталья, умершая от сдѣланнаго
бабкой аборта, и Аксинья соединившаяся
силой своей негасимой любви снова с
Григоріем, не доживают до полного воцаренія
Советов. За это можно только по-
благодарить Шолохова не затемниващаго
их образов, ролью «сознательных» кол-
хозниц. Да и самого Григорія Мелехова,
автор приводит только к порогу роди-
наго дома, не предрекая будущаго его пути.
Как относилась совѣтская власть в ли-

цѣ Сталина к «Тихому Дону» и его автору, видно по разговору диктатора с директором Госиздата П. И. Чагиным.

Поскребишев позвонил Чагину и передал ему, что Сталин хочет его видѣть. Когда Чагин приѣхал в Кремль, в кабинетѣ Сталина был еще один незнакомый Чагину человек, невысокій, плотный...

Вождь спросил директора, какія книги запланированы издательство на текущий год.

— Нами намѣчено, товарищ Сталин, переиздание нашего замѣчательнаго писателя Шолохова, — начал свой доклад Чагин.

— Шолохов молодой и способный писатель, — перебил его Сталин.

Сообразив, что говорить «гениальный» и «замѣчательный» о другом, в присутствіи «гениальнаго и замѣчательнаго» вождя, неудобно, Чагин рѣшил исправить свой промах.

— Да, нашего талантливѣйшаго молодого писателя...

— Шолохов молодой и способный писатель, — снова холодно оборвал его тот.

Тогда Чагин понял, что отрицая Шолохова, как талантливѣйшаго писателя и опредѣляя его только в разряд способных, Сталин указывает на то, чтобы автора «Тихаго Дона» не очень выдвигали в совѣтской литературѣ.

Приняв это к свѣдѣнію, директор продолжал:

— Дальше, мы собираемся издать нѣкоторыя произведенія Ванды Василевской...

— Ванда Василевская одна из талантливѣйших писательниц нашей эпохи, — внушительно сказал хозяин СССР. — Какой тираж вы намѣтили для ея сочиненій?

— Сто пятьдесят тысяч.

— Издайте полное собраніе сочиненій этой замѣчательной писательницы тиражем... — вождь подумал и закончил — ...тиражем в пятьсот тысяч экземпляров.

Выслушав полный доклад, Сталин сказал:

— Слишком мало вниманія и мѣста вы уделяете произведеніям иностранных революціонных писателей, напримѣр, китайских, они у вас совсѣм выпали из плана, а также сербских, румынских, болгарских, греческих. Заполните этот пробѣл. Совѣтскій народ должен хорошо знать всѣх зарубежных писателей революціонеров.

— Не хватает бумаги, товарищ Сталин, — пробовал оправдаться Чагин.

— Сократите тиражи Шолохова, Шишкова, Зоценко, Тынянова — они слишком часто переиздаются, как и другіе давно всѣм извѣстные писатели, вот и бумага найдется.

— А как вы полагаете, товарищ Сталин, относительно выпуска втораго тома стихов Анны Ахматовой? Они готовы к печати.

— Не время нашей молодежи сейчас упиваться сладкой лирикой. Мы недавно только пролили свою кровь на финском фронтѣ и находясь в капиталистическом окруженіи должны готовиться отразить

новое неожиданное нападеніе агрессоров. Пролетарское сознание и чутье должны вам само подсказать это. Не давайте того, что не созвучно моменту. Самая талантливая вещь, но оторванная от героики нашей эпохи — макулатура. Поменьше макулатуры, товарищ Чагин.

Всѣ точки над і были поставлены.

То, что творчество Шолохова было не по нутру Сталину, показывает и отзыв диктатора о «Поднятой Цѣлинѣ»:

— При его способностях, Шолохов мог написать шире и лучше, — сказал Сталин, в частной бесѣдѣ, А. Н. Толстому. — Главный недостаток «Поднятой Цѣлинѣ», да и вообще произведеній Шолохова, тот, что отрицательные типы у него слишком ярки — ярче положительных. К тому же у него преувеличенное любованіе всѣм казацким... И довольно однообразная тематика...

**

И в «Поднятой Цѣлинѣ», написанной писателем, как «дань эпохѣ», Шолохов все же показывает массовое сопротивление коллективизации. Убивают скот, птицу, чтобы не сдавать в колхоз, не только «кулаки и подкулачники». Убой идет в каждой хатѣ. Даже «бѣдняк» и «активист» дѣд Шукаръ, убивет свою живность и объѣвшись мается животом.

Не нравилось кремлевским властителям и то, что Шолохов до послѣдней войны избѣгал «чести» жить в Москвѣ. Жил он тогда в станицѣ, не чураясь своих казаков, часто приглашал их к себѣ, черпая матеріалы для своих книг из нѣдр казачьей массы.

Во время войны Шолохов написал патриотическую статью «Наука ненависти». Не знаю насколько вѣрно, но мнѣ рассказывали, что авторство заголовка принадлежит редактору «Правды». Послѣдней повѣсти из времен этой войны я не читала, но в «Литературной Газетѣ» Шолохова, за послѣдніе годы не раз упрекали в том, что он почему-то «замолчал».

Несомнѣнно, в другой обстановкѣ, талант Шолохова развернулся бы еще шире и русская литература обогатилась бы еще большим количеством его книг и очень тяжело, что творчество большаго писателя-самородка сжато тисками кремлевских партійных установок.

Лидія Норд.

(«Инженеры душ». Газета «Наша страна» № 241. Аргентина).

КАЛЕДИНО-НАЗАРОВСКАЯ СТАНИЦА.

В воскресенье, 26-го сентября в помѣщеніи Л.-гв. казачьяго музея состоялось многолюдное собраніе донцов, на котором подавляющим большинством было рѣшено организовать в Парижѣ Каледино-Назаровскую станицу и затѣм были произведены выборы правленія: Атаман станицы — ген. Позднышев; члены правленія: В. Шляхтин, Н. Мельников-Разведенков, М. Александрин и Попов.

Собраніе окончилось пѣніем молитв «Спаси Господи люди твоя», «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко» и донскаго гимна — «Всколыхнулся, взволновался Православный, Тихій Дон».

ОТЧЕТ РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ АКТ

Ревизионная коммиссія, собравшаяся 13 июня 1954 года для повѣрки отчетности и денежных сумм Казачьяго Союза за истекшій год нашла: отчетность ведется правильно; всѣ статьи прихода и расхода оправданы документами. Наличность кассы ко дню повѣрки показана казначаем и представлена коммиссии в суммѣ 137.293 фр. (сто тридцать семь тысяч триста девяносто три франка).

Ревизионная коммиссія считает своим долгом выразить благодарность за безкорыстный труд председателю Союза Н. Н. Туровѣрову и казначею Н. Н. Евсѣеву.

Члены ревизионной коммиссии:

Б. ТЮРМОРЪЗОВ.
М. БОЖКОВ,
В. ДОНСКОВ,

ОТЧЕТ КАЗНАЧЕЯ КАЗАЧЬЯГО СОЮЗА ЗА 1953 ГОДЪ.

Приход:

Членскіе взносы и пожертвованія	46.810
За газету	146.829
Возврат ссуд	74.846
Бал (валовой приход)	259.594
Остаток прошлаго года	212.546

Итого.... 740.625

Расход:

Пособія и ссуды	192.788
Газета	237.332
Почтовые расходы	15.400
Объявленія	8.465
Церковные расходы	21.665
Расходы на бал	127.582

Итого.... 603.232

Остаток ко дню повѣрки 137.393

Скорбный лист

За послѣднее время казачество потеряло: старѣйшую казачку Терскаго войска Колоскову (92 года), Глушкова Фил. Алексѣевича (Куб.), Лачугину Зою Пет. (Урал), Чекина Вал. Гр. (Дон.), Славина Викт. Пет. (Дон.), Бѣлова Фед. (Дон.), Королева Гав. Ив. (Дон.), Крюкова Ник. Пав. (Дон.), Ускова Ив. Ис. (Дон.), Клочкова Ив. Петр. (Тер.), Симак Емел. (Куб.), Сиротенко Гр. Ефр. (Куб.), Федорова Алексѣя Гавр. (Тер.), Королькова Евл. Кир. (Дон.), ген. Духопѣльников П. М. (Дон.), Волѣхова Вал. (Куб.), Устинова Вас. Юс. (Дон.), Меркушкина Георг. (Дон.), Хныкин Ст. Сем. (Дон.) и молодого казака-калмыка Бембинова Георг. убитаго в автом. катастрофѣ.

Вѣчная всѣм память и земной наш, еще живых казаков, поклон!

На мѣстѣ упокоенія В. С. Дѣдечкина (Дон.), умершаго в 1938 г. и похороненнаго на кладбищѣ в Дранси под Парижем, по инициативѣ полк. Н. С. Ушакова и Е. Р. Свиарева при дружном содѣйствіи мѣстной казач. группы во главѣ с Я. П. Богаевским возстановлен могильный памятник.

Отвѣтственный редактор: Н. Н. ТУРОВѢРОВ.

Технический редактор:

Н. С. МЕЛЬНИКОВ-РАЗВЕДЕНКОВ

Directeur: Alexandre Touveroff

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordeliers, Paris